

Л.С. Крашенинникова*

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЯДЕРНУЮ ПОЛИТИКУ КНР**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Реализация Вашингтоном курса на «разворот в Азию», который активно продвигает администрация Б. Обамы, вызывает растущее беспокойство руководства КНР, свидетельством чего стали недавние инциденты с участием китайских и американских военных кораблей в Японском и Южно-Китайском морях. В этой связи совершенно новое звучание приобретают вопросы, связанные с оценкой военного потенциала КНР, особенно потенциала ядерного сдерживания, данные о котором китайское руководство не желает раскрывать. В данной статье предпринята попытка проанализировать современную ядерную политику КНР через призму традиционной китайской стратегической культуры. С этой целью в первой части статьи выявлены связи между феноменом «стратегичности» китайского мышления и классическими китайскими представлениями о войне и мире, с одной стороны, и современными разработками в области теории ядерного сдерживания — с другой. Во второй части проведен сравнительный анализ открытых данных и экспертных оценок количества и тактико-технических характеристик ядерных вооружений КНР. Автор приходит к выводу, что развитие ядерного потенциала Китая идет в русле политики «минимального» сдерживания, а это в свою очередь в наибольшей степени отвечает китайским философским традициям. Наконец, в третьей части статьи рассмотрены вопросы, связанные с участием КНР в деятельности различных международных организаций и институтов, занимающихся проблемами разоружения и нераспространения ядерного оружия. Автор заключает, что традиционная стратегическая культура продолжает оказывать значительное влияние на китайскую ядерную политику. Это выражается, в частности, в восприятии руководством КНР ядерного оружия прежде всего как инструмента политического, а не военного давления.

* *Крашенинникова Любовь Сергеевна* — аспирантка кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: liubovkrasheninnikova@gmail.com).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-37-11136 «Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности».

Ключевые слова: КНР, ядерное оружие, ядерное сдерживание, стратегическая стабильность, стратегическая культура, ядерная триада, минимальное сдерживание, НОАК, ДНЯО, 2-й артиллерийский корпус, «Дунфэн».

Китай провел свое первое ядерное испытание 10 октября 1964 г., и с того момента в его политическом арсенале появился мощный инструмент, который усложнил структуру глобальной и региональной безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). КНР — единственная ядерная держава — член Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), не раскрывающая данных о своем ядерном арсенале и не ограниченная договорными обязательствами по наращиванию ядерного потенциала и производству ядерного топлива для военных целей. Отвечая на критику «непрозрачности» своей ядерной политики, Пекин подчеркивает, что арсенал страны сугубо оборонительный и «самый маленький по количеству в мире»¹. На уровень публикаций в государственных СМИ выносятся особая трактовка понятия ядерной прозрачности (сюминду)², где на первом плане — *последовательность* и *прозрачность намерений*, а не *доступность данных* о ядерных вооружениях. Особенности ядерной политики КНР, в частности отказ от раскрытия данных о реальном ядерном арсенале, а также трудность понимания общей логики ее политико-военного позиционирования актуализируют анализ влияния принципов китайской традиционной стратегической культуры в указанной сфере на современном этапе. Изучение данного аспекта китайской ядерной политики способствует пониманию подходов руководства КНР к обеспечению национальной безопасности на фоне множества факторов-«раздражителей». В их числе — нарастание напряженности в отношениях с США (политика «разворота в Азию» Вашингтона) и их партнерами («Major Non-NATO Allies») [Дмитращенко, 2014], возможность развития международного конфликта вокруг Тайваня, которая обостряется в зависимости от политики его администрации, нестабильность на Корейском полуострове. При этом Китай является одним из бесспорных лидеров АТР, что обуславливается его экономическим ростом³ и увеличением военных расходов⁴.

¹ Fact sheet China: nuclear disarmament and reduction of [nuclear weapons] // Federation of American Scientists. 27 April 2004. Available at: <http://fas.org/nuke/guide/china/doctrine/fs042704.pdf> (accessed: 20.04.2015).

² Мифы о ядерном оружии Китая // Жэньминь Жибао. 29.04.2011 г. Доступ: <http://russian.people.com.cn/95181/7365413.html> (дата обращения: 20.04.2015).

³ GDP growth (Annual %) // The World Bank Data. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed: 30.11.2015).

⁴ Military expenditure (% of GDP) // The World Bank Data. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS> (accessed: 30.11.2015).

Современные отечественные исследования в области заявленной темы характеризуются уклоном в политико-военные аспекты ядерного потенциала КНР [Арбатов, Дворкин, 2013; Золотарев, 2009; Кокошин, 2009] либо общим анализом политико-культурных и социополитических основ китайской стратегической культуры [Распертова, 2013; Корсун, 2010]. Из зарубежных публикаций выделяются работы, в которых изучается взаимосвязь стратегической культуры и военной политики Пекина, например, через призму «дилеммы безопасности» и парадоксальности природы ядерного оружия (ЯО) [Glaser, 2011; Luttwak, 2012]. Отдельный пласт исследований посвящен самому понятию стратегической культуры: не завершены дискуссии о широте охвата термина и пределах влияния данного феномена на политику государства [Johnston, 1995; Gray, 2006]. В работах китайских авторов воздействие стратегической культуры на современную ядерную стратегию в наибольшей степени раскрывается через взгляды представителей китайской военной элиты на подходы к управлению развитием потенциального конфликта, который может начаться в сфере обычных вооружений с риском перерасти в ядерный. В качестве примера можно привести работу генерал-майора Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Пэн Гуанцяна и начальника отдела стратегических исследований Академии военных наук генерал-майора НОАК Яо Ючжи [Чжаньюэ сюэ, 2001]. Кроме того, важный вклад в изучение ядерной стратегии Поднебесной внесен исследователями из RAND Corporation [Cliff et al., 2008].

В данной статье предпринята попытка определить роль традиций китайской стратегической культуры в формировании и развитии ядерной политики КНР. Для этого выделены лежащие в основе китайской дипломатии правила использования ядерного статуса (с учетом анализа оценок количественного и качественного состава ядерного арсенала страны), а затем проведена параллель между принципами традиционной китайской стратегической культуры и современной ядерной стратегией КНР.

* * *

Военно-политическая стратегия Китая основана на симбиозе историко-политических, политико-философских и цивилизационно-аксиологических факторов. Многие синологические исследования отмечают феномен «стратагемности» китайского мышления [см.: Зенгер, 2004; Mahnken, 2011], когда окружающий мир рассматривается как полигон для применения стратагемы, изобретательного плана (чжимоу). Стратагемы есть в культурах многих стран, но только в Китае существует их систематизированное

собрание в виде трактата «36 стратагем». Другой источник анализа традиционной стратегической культуры КНР — «Семикнижие военного канона» (у-цзин цишу). Его наиболее известная часть — труд Сунь Цзы «Искусство войны», который развивает идею «победы замыслом»⁵. При неизбежности вооруженного конфликта применяется принцип ухода от лобового столкновения⁶, и это не проявление китайского пацифизма, а свидетельство продуманности собственных действий. Начало наступательной военной кампании может быть оправдано идеологическими мотивами (свержением правителя-тирана); военная мощь и устрашение-сдерживание могут стать факторами непобедимости, использованными для «блефа» или наступательных операций. Профессор Гарвардского университета А. Джонстон справедливо отмечает, что из двух традиций «Семикнижия» — пацифистского мировоззрения (миролюбивости и стремления к культурной гегемонии) и готовности к превентивным военным действиям в духе реализма (*parabelum*) — современная внешнеполитическая среда диктует приоритет фактора силы [см.: Крашенинникова, 2015].

Поскольку содержание понятия «стратегическая культура» вызывает споры среди ученых, в данной статье предлагается рассматривать этот феномен как фундамент стратегического мышления высшего военного руководства страны, который порождает устойчиво характерные *реакции* на внешнеполитические *угрозы* и *возможности* [Крашенинникова, 2015: 65]. При определении параметров влияния стратегической культуры на политику государства важно учитывать изменение внешне- и внутривосточной конъюнктуры и степень готовности применить силу в международных отношениях. За последнее столетие китайская модель развития окончательно сменилась с циклической на линейную, трансформировались представления о целях и методах геополитической борьбы. Китай стал частью мировой структуры ядерного сдерживания, что обусловило несомненное увеличение веса прагматизма на основе силы в подходах к нерешенным спорам, затрагивающим территориальную целостность. Наличие таких споров все острее диссонирует со статусом постоянного члена Совета Безопасности (СБ) ООН, «легальной» ядерной державы и т.д. [Крашенинникова, 2015: 64].

Трансформация внешней политики (от дистанцирования до уверенного участия в поддержании международной безопасности) [подробно см.: Кашин, 2013] отражает процесс складывания психо-

⁵ У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб.: Евразия, 2001. С. 185–234.

⁶ Там же. С. 212.

логии великой державы с соответствующими амбициями. В 2005 г. председатель КНР Ху Цзиньтао в своем докладе об исторической роли НОАК говорил об усилении значимости Пекина в международной системе безопасности⁷. На доктринальном уровне стремление сократить технологическое отставание от лидирующих стран в военной сфере представляется как неотъемлемая часть «китайской мечты» (чжунго мэн): «...без сильной армии страна не может ни обладать мощью, ни быть в безопасности»⁸. В этой связи важный вопрос — какое место в совокупной мощи государства занимает ядерный потенциал.

Отношение к применению ЯО можно сравнить с восприятием войны в Древнем Китае — центральным принципом традиционной китайской стратегической культуры. Любые военные действия нарушали аграрный цикл, поэтому участие в них считалось крайне непривлекательным, исключительной мерой, необходимой лишь в случае невозможности «победы вне поля боя». Власть как олицетворение мудрости дистанцировалась от военного дела: в трактате о военном советнике Тай-гуне⁹ упоминается особый ритуал передачи мандата на ведение войны от правителя полководцу. В силу специфики ЯО есть сходство между отношением к нему современных лидеров и логикой ядерного конфликта, с одной стороны, и древнекитайским противлением участию в войне — с другой. Порог применения ЯО (как и военной силы в имперском и доимперском Китае) высок, что неоднократно подтверждалось историей противостояния СССР и США во второй половине XX в. Поскольку цена участия в ядерном конфликте велика, основная задача противоборствующих сторон сводится к использованию имеющейся мощи (или ее образа в сознании противника) в качестве политико-военного инструмента.

Представляется целесообразным соотнести параметры традиционной стратегической культуры Китая и разработки в области теории ядерного сдерживания.

Логика ядерного сдерживания вообще и китайского в частности не линейна. Его парадоксальность (готовность нанести удар возмездия как свидетельство мирных намерений), порожденная

⁷ Синь шицзи синь цзедуань воцзюнь лиши шмин чжуньяо лунышу дэ цзячжи хэ ии [Ценности и значение основных положений об исторической миссии наших войск в новом веке на новом этапе] // Синьхуа Цзюньши. 27.09.2005 г. Доступ: http://news.xinhuanet.com/mil/2005-09/27/content_3548905.htm (дата обращения: 17.12.2015). (На кит. яз.)

⁸ Чжунгодэ цзюньши чжаньюэ [Военная стратегия КНР] // Министерство обороны КНР. Май 2015 г. Доступ: http://www.mod.gov.cn/affair/2015-05/26/content_4588132.htm (дата обращения: 02.12.2015). (На кит. яз.)

⁹ У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб.: Евразия, 2001. С. 89–91.

«дилеммой безопасности» [Luttwak, 2012: 16], делает обретение ядерного статуса привлекательным для правительства, которое стремится увеличить вес страны в международных делах в сжатый срок, но при этом способна диктовать необходимость дальнейшей милитаризации государства в ответ на рост угроз со стороны вооружающихся оппонентов.

Российский ученый А.Г. Савельев в своей монографии выделяет несколько видов ядерного сдерживания. Среди них — «сдерживание-наказание» (гарантия ответного удара), «сдерживание-отрицание» (способность жертвы заставить атакующую сторону пойти на выгодные для себя условия мира) и «экзистенциальное сдерживание» (неясность относительного стратегия ответных действий) [Савельев, 2000: 112]. Китайскому арсеналу присущи первичные черты «сдерживания-наказания»: известно о наличии ЯО и его декларативно оборонительном характере — готовности к применению в случае агрессии¹⁰. Неясны масштаб и четкие критерии порога реагирования, принципы ведения ответной ядерной атаки, поэтому эффект от «сдерживания-отрицания» остается за рамками очерченных «правил». В полной мере китайская модель соответствует третьему типу. Неопределенность реальных возможностей КНР создает почву для применения стратагемного подхода и увязывает ядерную политику страны с принципами китайского военного канона («У-цзин») и законами «инь и ян» — дуализмом скрытого и явного.

Исследователям из RAND Corporation удалось выделить четыре принципа действий НОАК в случае ядерной атаки: овладение инициативой при нанесении ответного ядерного удара; сохранение ядерного потенциала в условиях эскалации ядерного конфликта; точность при поражении цели с помощью ЯО; борьба с попытками ядерного «шантажа» [Cliff et al., 2008: 163–168]. Согласно этой логике главная задача Пекина — сохранить эскалационное доминирование, мешая стратегии противника на этапе ее планирования с помощью сокрытия данных либо дезинформации, и удерживать контроль над скоростью и степенью эскалации, используя факт нарастания напряжения как рычаг давления. Это можно трактовать как прочный симбиоз идеи «победы замыслом, вне поля боя», изложенной в трактате Сунь Цзы, и стремления обеспечить достаточную мощь в духе политического реализма.

Если рассматривать ядерный арсенал КНР с точки зрения логики стратегической стабильности в кризисный или предкризис-

¹⁰ Чжунгодэ цзюньши чжаньюэ [Военная стратегия КНР] // Министерство обороны КНР. Май 2015 г. Доступ: http://www.mod.gov.cn/affair/2015-05/26/content_4588132.htm (дата обращения: 02.12.2015). (На кит. яз.)

ный период («кризисной стабильности» [Савельев, 2000: 116–119]), то можно выделить ряд «стабилизирующих» и «дестабилизирующих» факторов. К «стабилизирующим» относятся отсутствие прецедента использования Пекином ядерных вооружений против другой страны, а также высокий порог применения ЯО первыми или даже отказ от него из-за опасений перед ответным ударом. В свою очередь неизвестность точной дислокации всех элементов ядерного арсенала КНР обеспечивает сложность «разоружающего» удара¹¹ и снижает привлекательность его осуществления противником. «Дестабилизирующие» факторы определяются перекосом развития ядерной триады в сторону ракетного компонента. Прежде всего, решение о применении ракеты с ядерным боезарядом принимается в короткие сроки (например, при поступлении сигнала от системы оповещения), оно является «безотзывным», в отличие от отправки бомбардировщика [Савельев, 2000: 117], вследствие чего вероятность ошибочного старта выше. Кроме того, к «дестабилизирующим» факторам относится создание ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН)¹², которые увеличивают шанс попадания заряда в цель и, следовательно, привлекательность нанесения удара.

* * *

За последнее десятилетие рост военных расходов КНР составил 170%¹³. Китай лидирует по затратам на военно-промышленный комплекс (ВПК) в Азии, а в мире уступает только США. Технологический уровень большинства направлений китайского ВПК существенно отстает от ведущих стран Запада и от России. Пекин стремится сократить этот разрыв, используя высокотехнологичные достижения других государств и проводя политику интеграции гражданской и военной промышленности¹⁴ (в «Белой книге по национальной обороне» за 2006 г. указано, что общая стратегия

¹¹ Затрудняют гипотетический ответный удар по КНР также увеличение мобильности и живучести китайских ракет, усилия Пекина по повышению качества информационной инфраструктуры, оперативной связи со всеми элементами триады (декларируемые китайским руководством и признанные США успешными — см. далее).

¹² Из последних моделей — представленная в 2015 г. на военном параде в Пекине новая модификация ракеты с РГЧ ИН Dongfeng-5, а также новая Dongfeng-41.

¹³ The 15 countries with the highest military expenditure in 2011 (table) // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Available at: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/resultoutput/milex_15/the-15-countries-with-the-highest-military-expenditure-in-2011-table/view (accessed: 18.03.2015).

¹⁴ Гаоцзюй Дэн Сяопин лилунь вэйда цичжи [Высоко нести знамя теории Дэн Сяопина] // Сайт Правительства КНР. 18.08.2004 г. Доступ: http://www.most.gov.cn/ztlz/dxp100/djh/200408/t20040818_15113.htm (дата обращения: 08.12.2015). (На кит. яз.)

модернизации китайской армии предполагает построение вооруженных сил с широкой опорой на информационные технологии к середине XXI в.¹⁵ — к 100-летию КНР). В.И. Есин пишет, что «ядерный потенциал КНР явно недооценивается мировым сообществом <...> уже сейчас КНР является третьей после США и России ядерной державой, которая, несомненно, обладает техническими и экономическими возможностями, позволяющими при необходимости быстро нарастить ее ядерную мощь» [Есин, 2012: 35]. Считается, что значимая роль в модернизации китайских вооруженных сил отводится дальнейшему повышению безопасности и возможностей в киберпространстве. Опубликованы исследования американских IT-компаний, указывающие на роль Генштаба НОАК в добыче данных (технологического и стратегического характера) путем внедрения в информационные системы подрядчиков ВПК ведущих стран¹⁶.

Отсутствие официальных данных наряду с многочисленными информационными релизами по военной тематике в государственных СМИ КНР привело к широкому разбросу в оценках реального состояния китайского ядерного потенциала. По информации МИД КНР от 27 апреля 2004 г., Китай обладал «самым маленьким ядерным арсеналом»¹⁷. В тексте заявления не указывалось, идет ли речь только об «официальных» или обо всех ядерных державах, но, учитывая контекст, можно предположить, что в документе подразумевались члены СБ ООН. Из этого следовало, что у Китая должно было быть менее 185 развернутых боезарядов¹⁸, в то время как эксперты Стокгольмского международного института исследований проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute — SIPRI) указывали большее количество: 282 стратегических и 120 нестратегических боезарядов¹⁹.

¹⁵ Белая книга по национальной обороне КНР. 2006 // Чжунго гофан байпишу. 2006. Доступ: <http://news.sina.com.cn/c/2006-12-29/123911916403.shtml> (дата обращения: 18.03.2015).

¹⁶ Exposing one of China's cyber espionage units // Mandiant. 2013. Available at: http://intelreport.mandiant.com/Mandiant_APT1_Report.pdf (accessed: 04.12.2015).

¹⁷ Fact sheet: China: nuclear disarmament and reduction of [nuclear weapons] // Federation of American Scientists. 27 April 2004. Available at: <http://fas.org/nuke/guide/china/doctrine/fs042704.pdf> (accessed: 20.04.2015).

¹⁸ По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), на 2004 г. самым маленьким из «легальных» ядерных стран арсеналом обладала Великобритания (185 боезарядов). См.: Nuclear arms control and non-proliferation // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). 2005. Available at: <http://www.sipri.org/yearbook/2004/files/SIPRIYB0415A.pdf> (accessed: 17.12.2015).

¹⁹ Ibidem.

При оценке возможностей Пекина по наращиванию своего ядерного арсенала важно учитывать фактор наличия достаточного объема запасов расщепляющихся материалов. Разработкой и модернизацией ЯО в КНР занимается 9-я Академия НОАК (Академия инженерной физики КНР). По большей части ее НИИ компактно расположены в г. Мяньяне. Считается, что производство высокообогащенного урана (ВОУ) было прекращено в 1987 г., оружейного плутония — в 1989 г.²⁰ Более того, фиксируется отрицательная динамика: по данным независимого объединения ученых в области контроля над вооружениями и разоружения International Panel on Fissile Materials (IPFM), в 2013 г. КНР находилась на последнем месте среди ядерной «пятерки», обладая приблизительно 16 т ВОУ и 1,8 т оружейного плутония, предназначенных для военных целей²¹; в докладе IPFM за 2006 г. их запасы оценивались как 22 и 4 т соответственно²² (табл. 1). Таким образом, с 2006 по 2013 г. запасы ВОУ и оружейного плутония предположительно снизились на 6 и 2,8 т. Примечательно, что при этом сами эксперты IPFM увеличили оценочные данные о количестве китайских ядерных боезарядов: с 200 ед. в 2006 г. до 240 ед. в 2013 г.²³ Для производства современного боезаряда требуется в среднем 10–50 кг ВОУ и 4 кг оружейного плутония²⁴. При максимальном использовании имеющихся расщепляющихся материалов 9-я Академия НОАК смогла бы дополнительно произвести 1800 урановых и 450 плутониевых боезарядов.

Говоря об оценках китайского ядерного арсенала, можно условно выделить «минимальный» и «максимальный» подходы (от менее 200 до 10 000 боезарядов) [Есин, 2012: 27]. По данным ведущих зарубежных экспертов, количество боезарядов в распоряжении КНР близко к 240–250 ед. [Kristensen, 2006] — это умеренный и наиболее близкий к формулировке китайского МИД подход. В рамках второго направления выделяются авторы, признающие нерациональность производства максимально возможного количества боезарядов, и те, кто настаивает на наличии такого арсенала (алармистский подход).

²⁰ China // International Panel on Fissile Materials. 2013. Available at: <http://fissilematerials.org/countries/china.html> (accessed: 21.04.2015).

²¹ International Panel on Fissile Materials. 2013. Available at: <http://www.fissilematerials.org/> (accessed: 21.04.2015).

²² International Panel on Fissile Materials. 2006. Available at: <http://fissilematerials.org/library/gfmr06.pdf> (accessed: 26.04.2015).

²³ International Panel on Fissile Materials. 2013. Available at: <http://www.fissilematerials.org/> (accessed: 21.04.2015).

²⁴ Zajec O. Combien de têtes nucléaires en Chine? // Le Monde Diplomatique. 2013. Available at: <http://www.monde-diplomatique.fr/2013/05/ZAJEC/49051> (accessed: 27.04.2015).

Оценки запасов некоторых расщепляющихся материалов военного назначения в КНР

Вид топлива	Эксперт/организация			
	International Pannel on Fissile Materials, 2006	International Pannel on Fissile Materials, 2009	International Pannel on Fissile Materials, 2013	В.И. Есин (Институт США и Канады РАН; МГУ имени М.В. Ломоносова), 2012
Высокообогащенный уран	Около 22 т	Около 20 т	Около 16 т	До 40 т
Оружейный плутоний	Около 4 т	Около 4 т	Около 1,8 т	До 10 т

В числе первых — отечественный ученый В.И. Есин: он утверждает, что КНР обладает развитой военной атомной промышленностью, состоящей из двух групп предприятий, производственная мощность которых по состоянию на 2011 г. позволяла наработать до 40 т ВОУ и около 10 т оружейного плутония. Их частичное задействование обеспечило бы создание до 1800 боезарядов [Есин, 2012: 28]. Автор также указывает, что в 2011 г. мощности по производству специальных ракетных технологий были способны наработать топливо, достаточное для создания в общей сложности 1600 урановых и 2000 плутониевых боезарядов. Однако сам эксперт отмечает, что вряд ли для производства оружия используется все выработанное ядерное топливо [Есин, 2012: 28].

Ярким примером алармистских оценок является резонансная публикация профессора Джорджтаунского университета Ф.А. Карбера, в которой говорится о наличии у КНР 3000 боезарядов и разветвленной подземной инфраструктуры двойного и военного назначения. Помимо прочего автор указывает на возможность связи между Сычуаньским землетрясением 2008 г. и проведением критического ядерного испытания [Karber, 2011]. В целом выводы этой работы не были поддержаны в авторитетных исследовательских кругах (против них выступили заведующий Программой ядерной информации Федерации американских ученых Г. Кристенсен и глава Программы нераспространения в Восточной Азии Института международных исследований Монтерей Д. Льюис и пр.), но подобный «максимальный» подход существует в принципе. По оценке Г. Кристенсена и Р. Норриса, на 2013 г. в распоряжении у КНР на-

ходило 250 развернутых ядерных боезарядов, а общее число произведенных с 1964 г. составляет порядка 610 ед.²⁵

Данные открытых источников и оценки экспертных организаций и отдельных аналитиков относительно состава ядерного арсенала КНР обобщены в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Оценки количества ядерных боезарядов КНР

Экспертные оценки	Количество ядерных боезарядов, ед.
G. Kulacki, Union of Concerned Scientists	155
Hui Zhang (Harvard University)	160
Federation of American Scientists	200–220
International Panel on Fissile Materials	240
SIPRI	260
Bulletin of American Scientists	250
В.И. Есин (Институт США и Канады РАН; МГУ имени М.В. Ломоносова)	До 1800
P.A. Karber (Georgetown University)	До 3000

Авиационный компонент представлен модификациями стратегического бомбардировщика «Хун-6» с дальностью полета от 3100 км (SIPRI) до 5800 км (В.И. Есин). Наиболее поздняя версия «Хун-6К» может быть оснащена крылатыми ракетами с ядерными боезарядами («Чанцзянь-10А»), способными лететь на предельно низких высотах, что усложняет их обнаружение и делает значимым элементом ядерного сдерживания. Кроме того, в состав боеприпасов входят авиабомбы «Б-5» (до 2 Мт) [Есин, 2012: 30].

Наземный компонент стратегической триады состоит из Стратегических ракетных войск (СРВ) и ракетных комплексов Сухопутных войск НОАК [Есин, 2012: 30]. Управление СРВ находится в ведении 2-го артиллерийского корпуса (диэр паобин), располагающего 6 базами в 6 из 7 военных округов (ВО): Гуанчжоуском, Ланчжоуском, Нанкинском (ближний к Тайваню), Цзинаньском, Чендуском, Шеньянском — ракетные базы № 51–56. Наземный компонент включает от 150²⁶ до 328 ракет [Есин, 2012]. В докладе

²⁵ Kristensen H.M., Norris R.S. Global nuclear weapons inventories, 1945–2013 // Bulletin of American Scientists. Available at: <http://bos.sagepub.com/content/69/5/75.full.pdf+html> (accessed: 17.04.2015).

²⁶ Chinese nuclear forces // Bulletin of the Atomic Scientists. 2015. Available at: <http://thebulletin.org/2015/july/chinese-nuclear-forces-20158459> (accessed: 03.12.2015).

Минобороны США Конгрессу за 2015 г. приводится количество 50–60²⁷ китайских межконтинентальных баллистических ракет (МБР)²⁸, которые способны достигать американской материковой территории.

Таблица 3

Предположительный состав стратегической триады средств доставки ядерного оружия КНР

Категория вооружений	Вид носителя	Название	Дальность, км
Стратегическая авиация	Стратегический бомбардировщик	Хун-6	3100–5800
Наземный компонент	Баллистическая ракета средней дальности	Дунфэн-21	До 2100
		Дунфэн-21А	До 3000
		Дунфэн-3А	До 3100
	Межконтинентальная баллистическая ракета ограниченной дальности	Дунфэн-4	5300–5500
	Межконтинентальная баллистическая ракета	Дунфэн-5	До 13 000
		Дунфэн-5А	До 12 000
		Дунфэн-31	8000–12 000
	Межконтинентальная баллистическая ракета с разделяющейся головной частью индивидуального наведения	Дунфэн-5В	12 000–15 000
		Дунфэн-31А	До 12 000
		Дунфэн-41	До 14 000
Морской компонент	Баллистическая ракета подводных лодок	Цзюйлан-1	1700–2400
		Цзюйлан-2	7400–8000

²⁷ Annual report to Congress: Military and security developments involving the People's Republic of China. 2015 // Office of the Secretary of Defense. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2015_China_Military_Power_Report.pdf (accessed: 03.12.2015).

²⁸ Американская классификация не включает ракеты радиусом до 3000 км.

По данным открытых источников, на вооружении НОАК находится несколько видов баллистических ракет. На замену жидкотопливным одноступенчатым баллистическим ракетам средней дальности «Дунфэн-3А» пришли двухступенчатые твердотопливные «Дунфэн-21» (дальность полета — до 2100 км; по оценкам В.И. Есина, находятся на вооружении в Ланчжоуском, Нанкинском, Чендуском и Шеньянском ВО [Есин, 2012]) и их модификации — «Дунфэн-21А» (до 3000 км), оба вида ракет — с моноблочными боеголовками мощностью до 350 кт. Кроме того, в составе 2-го артиллерийского корпуса имеются двухступенчатые жидкотопливные баллистические ракеты «ограниченной межконтинентальной дальности» «Дунфэн-4» (до 5300–5500 км) шахтного и наземного базирования, моноблочные МБР «Дунфэн-5» (дальность — 13 000 км, развернуты на рубеже 1970–1980-х годов), двухступенчатые «Дунфэн-5А» и «Дунфэн-5В» (до 12 000 км, с РГЧ ИН), оснащенные шахтными ракетными комплексами. Для этих ракет созданы моноблочные головные части мощностью по 2 Мт. На смену «Дунфэн-4» постепенно приходят твердотопливные МБР «Дунфэн-31» (дальность — до 8000 км, мощность моноблочной головной части — до 500 кт). Этот вид ракет и «Дунфэн-31А» (до 12 000 км, с РГЧ ИН и мощностью боезарядов до 300 кт) мобильного базирования были развернуты в 2006–2007 гг. По оценкам В.И. Есина, всего имеются более 200 пусковых установок — 238 ракет и 208 ядерных боеголовок [Есин, 2012: 30–31]. В 2012 г. в СМИ появились публикации об успешном испытании МБР «Дунфэн-41» (дальность — до 14 000 км), оснащенной боеголовкой с РГЧ ИН²⁹. В ходе военного парада в 2015 г. были продемонстрированы новые типы ракет средней дальности — «Дунфэн-16» (около 1000 км), «Дунфэн-26» (от 3000 км) и противокорабельная баллистическая ракета «Дунфэн-21D»³⁰. На базе «Дунфэн-26» также была создана баллистическая противокорабельная ракета. Наличие у КНР тактического ядерного оружия в настоящее время не подтверждено.

Морской компонент китайской ядерной триады ранее был представлен твердотопливной двухступенчатой баллистической ракетой подводных лодок (БРПЛ) средней дальности «Цзюйлан-1» (дальность — 1700–2400 км, оснащена моноблочной головной частью мощностью до 350 кт), размещаемой на атомной подводной лодке

²⁹ Китай испытал новейшую МБР // Военно-промышленный курьер. 05.09.2012. Доступ: <http://vpk-news.ru/articles/9243><http://vpk-news.ru/articles/9243> (дата обращения: 15.04.2015).

³⁰ Fisher R.D. China showcases new weapon systems at 3 September parade // HIS Jane's 360. 3 September 2015. Available at: <http://www.janes.com/article/54029/china-showcases-new-weapon-systems-at-3-september-parade> (accessed: 27.10.2015).

с баллистическими носителями (ПЛАРБ) класса «Ся» («Проект 092»), которая была введена в состав флота в 1980-х годах. Лодка «Ся», по оценкам американских экспертов, никогда не совершала боевого патрулирования, являясь скорее экспериментальной системой. В то же время в настоящее время Китай находится в процессе создания первого соединения из 5 ПЛАРБ нового поколения «Цзинь» («Проект 094»), оснащенных БРПЛ «Цзюйлан-2» с дальностью 7400–8000 км. Для новых подводных лодок построена база «Юйлинь» на о. Хайнань с обширной инфраструктурой и подземными сооружениями. В настоящее время китайские военно-морские силы располагают 3 развернутыми ПЛАРБ «Проекта 094».

Считается, что ядерные боезаряды хранятся отдельно от носителей. По мнению В.И. Есина, это относится к большинству, но не ко всем боеголовкам [Есин, 2012: 32]. В работах западных авторов фигурирует информация о Базе № 22, расположенной в горных районах КНР (Циньлинь), как центральном хранилище ядерных боезарядов. В исследовании М. Стоукса описано, что в мирное время в целях повышения живучести наземного компонента триады боеголовки периодически транспортируются к средствам доставки по разветвленной железнодорожной системе [Stokes, 2010]. Следуя этой логике, Центральный военный совет КНР должен часто изменять дислокацию развернутых ракет из-за необходимости снижения уровня уязвимости.

Учитывая разницу в оценках количественных параметров китайского ядерного арсенала и идеи, высказанные в рамках «максимального» подхода, можно говорить о теоретической способности Пекина нарастить запас ЯО до уровня, сопоставимого с США и РФ (за счет инфраструктуры и достаточного количества расщепляющихся материалов). В пользу умеренных оценок говорят принцип неучастия в ядерной гонке вооружений (хэцзюнь цзинсай)³¹, отсутствие опыта противостояния с другим ядерным государством (как у США и СССР), а также экономический фактор, который влияет на политику в сфере ВПК со времени Дэн Сяопина³².

Принцип достаточности ограниченного ядерного арсенала, оформленный в стратегию «минимального» сдерживания по отношению к лидирующим ядерным странам (применительно к остальным государствам параметр определения «минимального» сдерживания не представляется очевидным), выглядит наиболее вероятным

³¹ Чжунгодэ цзюньши чжаньюэ [Военная стратегия КНР] // Министерство обороны КНР. Май 2015 г. Доступ: http://www.mod.gov.cn/affair/2015-05/26/content_4588132_2.htm (дата обращения: 07.12.2015). (На кит. яз.)

³² Имеется в виду политика «интеграции гражданской и военной промышленности», начатая в 1980-х годах.

с точки зрения китайской стратегической культуры. Это предполагает возможность противощенностного удара³³ и позволяет оказывать косвенное давление на оппонентов, в первую очередь посредством угрозы американским партнерам в АТР. Критерии достаточности и рациональности восходят к философским традициям даосизма («бесстрастное, мягкое и податливое побеждает страстное, твердое и грубое»³⁴).

Наиболее вероятно развитие ядерного потенциала КНР по одному из следующих направлений. Первое соответствует националистским патриотическим тенденциям и предполагает фундаментальное количественное и качественное наращивание ЯО, милитаризацию прибрежных акваторий, возможность военного решения территориальных споров. Можно согласиться с мнением Д. Мосякова, что феномен превращения КНР из государства, зависящего от западных колониальных держав, в страну, способную самостоятельно влиять на мировые процессы, произошел буквально на глазах одного поколения и тем самым породил ощущение особой успешности и прогресса³⁵. Дальнейшее финансирование военной модернизации, которая уже затронула средства доставки, будет поддерживаться военно-промышленными кругами. Второй подход подразумевает участие в движении к «глобальному нулю» и вписывается в настроения прозападного либерализма и космополитизма. Он наименее реалистичен и распространен преимущественно среди диссидентских, прозападных слоев населения мегаполисов, членов заграничных диаспор, далеких от влияния на решения политико-военной элиты Китая. Третью модель развития ядерной политики КНР можно охарактеризовать как компромисс первых двух подходов: продолжение умеренной модернизации, возможное вступление в переговоры по ограничению ядерного потенциала, поиск новых высокотехнологичных альтернатив ядерному сдерживанию.

Поскольку исключительно количественное наращивание ЯО не имеет смысла, вероятно, продолжится акцентирование именно на развитии средств доставки, способных преодолеть системы противоракетной обороны (ПРО) оппонентов (к таким средствам

³³ Удар по объектам инфраструктуры, городам. Подробнее см.: Тимербаев Р.М. О ядерном потенциале и ядерной политике Китая // Перспективы. Электронный журнал. 01.01.2007 г. Доступ: http://www.perspectivy.info/oikumena/azia/o_jadernom_potenciale_i_jadernoj_politike_kitaja_2007-01-01.htm#19 (дата обращения: 13.04.2015).

³⁴ Дао-Дэ-Цзин. Одесса: New Atlantians, 2008. С. 22.

³⁵ Мосяков Д. Новый Китай в АТР // Российский совет по международным делам. 29.08.2012 г. Доступ: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=725#top (дата обращения: 05.04.2015).

в первую очередь относятся гиперзвуковые ракеты и ракеты с РГЧ (ИИ), а также на доработке мобильных пусковых установок для повышения живучести и мобильности наземного компонента ядерной триады.

Не стоит забывать, что гипотетическому применению ЯО может предшествовать конфликт с использованием обычных вооружений. В этой сфере КНР прикладывает усилия для повышения технического уровня оснащённости НОАК, занимается разработкой передовых военных технологий (лазерных, радарных технологий, гиперзвуковых летательных аппаратов, космической инфраструктуры) и т.д. Это позволяет говорить о готовности применить силу в локальном конфликте с использованием обычных вооружений (элемент политического реализма), оставляя ядерный фактор как инструмент скорее политического, а не военного давления. Поддержание атмосферы неопределённости относительно расположения и состава сил 2-го артиллерийского корпуса НОАК можно соотнести с принципом «неуловимости», ключевым с точки зрения «Семикнижия». Повторимся, сохранение логики классического военного канона в ядерной политике возможно, пока безопасности КНР соответствует концепция «минимального» ядерного сдерживания.

* * *

Основным фактором, определяющим развитие вооружённых сил (и ядерной триады) Китая, выступает насыщенная угрозами внешнеполитическая среда. Хотя бы теоретически взаимное ядерное сдерживание присутствует в отношениях между КНР и РФ, КНР и США, КНР и Индией [Арбатов, Дворкин, 2013], поэтому эскалация потенциального конфликта с этими странами в итоге упирается в ядерный фактор.

Среди основных угроз — давние проблемы с Тайванем и Аруначал-Прадеш (Южным Тибетом), споры в Южно-Китайском море, развитие военного сотрудничества США с их «основными союзниками вне НАТО» в АТР, американская политика «разворота в Азию» (pivot to Asia), возможность военного участия Вашингтона в корейском конфликте, наличие американских военных баз и ПРО в регионе, поставки вооружений США на Тайвань. Китайско-индийские отношения осложняются информацией о помощи КНР Пакистану в развитии его ракетно-ядерной программы. Дополнительный «раздражитель» для Китая — давление других стран с целью вынудить Пекин раскрыть данные о ядерном арсенале, что может быть сделано в рамках международного сотрудничества.

На фоне «реформ и открытости» в 1980–1990-е годы КНР активно стремилась включиться в работу ключевых международных

организаций и структур. Это обусловило ее переход к внешне ярко выраженной готовности сотрудничать в ядерной сфере. В 1984 г. Китай стал членом Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), в 1989 и 2002 гг. подписал соглашения о постановке части своих гражданских объектов под гарантии МАГАТЭ и Дополнительный протокол о гарантиях. В 1989 г. он присоединился к Конвенции о физической защите ядерного материала и создал Государственную систему учета и контроля ядерных материалов³⁶. Были объявлены год и десятилетия разоружения, в 1987 г. в Пекине проведен региональный форум в рамках Всемирного движения за разоружение³⁷. Однако по большей части предпринимаемые действия были неполными.

Встраиваясь в новые для себя условия, Китай стремился сохранить пространство для маневра и балансировал на грани кооперации и преследования своих амбиций, в том числе для поддержания «легальной» возможности проводить критические ядерные испытания. В китайских политических кругах существует точка зрения, что США инициировали подписание в 1996 г. Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) именно для приостановки ядерной программы КНР [Fitzpatrick, 2013]. Еще в 1982 г. Пекин объявил, что рано говорить о разоружении остальных членов «ядерного клуба», пока арсеналы США и РФ столь велики [Fitzpatrick, 2013]. Китай, как и Соединенные Штаты, не ратифицировал ДВЗЯИ, но провозгласил мораторий на испытание ЯО, случаи нарушения которого не зафиксированы³⁸. В рамках включения в институциональную структуру ядерного нераспространения в 1997 г. КНР присоединилась к Комитету Цангера³⁹,

³⁶ Сообщение Постоянного представительства Китайской Народной Республики при Международном агентстве по атомной энергии от 26 января 2004 года, касающееся ядерной политики и практики Китая // МАГАТЭ. Информационный циркуляр. 07.05.2004 г. Доступ: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/2004/Russian/infcirc627_rus.pdf (дата обращения: 21.04.2015).

³⁷ Чжунго дэ цзюньбэй кунчжи юй цайцзюнь [Китай: контроль над вооружениями и разоружение (Белая книга КНР)]. 1995. Доступ: http://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-05/25/content_811.htm (дата обращения: 20.04.2015). (На кит. яз.)

³⁸ Communication of 1 August 1996 Received from the Permanent Mission of the People's Republic of China to the International Atomic Energy Agency // International Atomic Energy Agency. Available at: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/1996/inf522.shtml#note_1 (accessed: 10.04.2015).

³⁹ Комитет Цангера — неформальная организация участников ДНЯО, цель которой — способствование выполнению ст. III.2, т.е. недопущению предоставления ядерных материалов и оборудования другим странам, если на них не распространяются гарантии МАГАТЭ. Списки подобных материалов и оборудования регулярно уточняются. Создан в 1971 г.

в 2004 г. — к Группе ядерных поставщиков (ГЯП)⁴⁰. Пекин не подключился к Режиму контроля ракетных технологий (РКРТ)⁴¹, но заявил о формальном соблюдении его принципов. Китайское руководство поддержало резолюции СБ ООН № 1540⁴² и № 1887⁴³ (о предотвращении распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки и сохранении международного мира и безопасности) и сегодня выступает активным апологетом движения разоружения, но окончательно не связало себя обязательствами не проводить новых ядерных испытаний. Таким образом, китайским усилиям по международному разоружению присущ определенный дуализм: содействуя (реально и декларативно) укреплению режима нераспространения, Пекин поддерживает уровень собственных ядерных сил. Вместе с тем в день своего первого ядерного испытания Китай предложил создать Конференцию глав государств и правительств всех стран для рассмотрения вопроса о полном запрещении и окончательном уничтожении ЯО⁴⁴.

Пекин не присоединился к запущенной США в 2003 г. программе «Инициатива по поддержанию безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения» (Proliferation Security Initiative), аргументируя отказ возможностью нарушения права на передачу мирных технологий [Durkalec, 2012].

С 1996 г. КНР придерживается фактического моратория на ядерные испытания, частично решая проблему отсутствия тестирования за счет максимального продления срока службы уже имеющихся боезарядов и возможности проведения подкритических испытаний. В рамках профилактических мер по поддержанию боеголовки в готовности (программы «продления и ремонта», яньшоу чжэньсю [Easton, Stokes, 2013]) работают два подразделения 2-го артиллерийского корпуса: исполнительное — Штаб и ответственный за выработку политики и планирование Департамент оснащения.

⁴⁰ Группа ядерных поставщиков — международный механизм, цель которого — определение критериев и принципов ядерного экспорта. Создана в 1974 г. В 1992 г. Группа ядерных поставщиков и Комитет Цангера объединились.

⁴¹ Создан в 1987 г.

⁴² Совет Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН). Резолюция 1540 (2004). Доступ: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1540\(2004\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1540(2004)) (дата обращения: 22.04.2015).

⁴³ Совет Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН). Резолюция 1887 (2009). Доступ: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1887\(2009\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1887(2009)) (дата обращения: 22.04.2015).

⁴⁴ Чжунго дэ цзюньбэй кунджи юй цайцзюнь [Китай: контроль над вооружениями и разоружение (Белая книга КНР)]. 1995. Доступ: http://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-05/25/content_811.htm (дата обращения: 20.04.2015).

Уникальность положения КНР среди других членов ядерной «пятерки» состоит в исторической и культурно-политической обособленности. Китай не входит в число стран — основателей режима нераспространения, никогда не участвовал в гонке ядерных вооружений и биполярном сдерживании и не сотрудничал тесно с другой ядерной державой. Пекин придерживается особого понимания транспарентности ядерных сил — выделяя принцип неприменения ЯО первыми в противовес «не таким ясным намерениям западных стран»⁴⁵, а не посредством раскрытия военно-технических характеристик. В адрес китайского руководства звучит критика по поводу «расшатывания» ядерной монополии постоянных членов СБ ООН, помощи Пакистану в обретении ЯО для сдерживания Индии, передачи ядерных технологий Алжиру и Ирану⁴⁶. Представляется, что не в интересах КНР действительно способствовать горизонтальному распространению, но единичные случаи ограниченной технологической помощи могут служить целям поддержания связей с «оппонентами своих оппонентов».

Выход США из Договора по ПРО 1972 г. вызвал негативную реакцию Пекина, который критиковал обсуждение такой возможности в американском истеблишменте еще в период президентства У. Клинтона. На Конференции по разоружению в Женеве в 1999 г. Цзянь Цзэминь говорил о нарушении глобального равновесия и опасности активизации гонки вооружений в «новых сферах»⁴⁷. Позднее, на Конференции в 2000 г., он уточнил, что выход США из Договора спровоцирует милитаризацию открытого космоса⁴⁸, и выдвинул китайский проект соглашения по ее недопущению. Отсутствие прогресса на переговорах по ПРО послужило «оправданием» дальнейших действий Пекина: финансирования долгосрочной программы по развертыванию в космическом пространстве глобальной спутниково-навигационной системы «Бэйдоу» (фундамента для дальнейшей милитаризации космоса) и активизации разработок китайской ПРО. Считается, что в начале 2007 г. КНР

⁴⁵ Мифы о ядерном оружии Китая // Жэньминь Жибао. 29.04.2011 г. Доступ: <http://russian.people.com.cn/95181/7365413.html> (дата обращения: 19.04.2015).

⁴⁶ Arms control and proliferation profile: China, 2015 // Arms Control Association. Available at: <https://www.armscontrol.org/factsheets/chinaprofile> (accessed: 04.12.2015).

⁴⁷ Jiang Zemin's Speech at the Conference on Disarmament // Permanent Mission of the PRC to the UN Office in Geneva and other International Organizations in Switzerland. 26 March 1999. Available at: <http://www.china-un.ch/eng/cjjk/cjtblc/jhwhx/t85307.htm> (accessed: 15.04.2015).

⁴⁸ China warns that plans by the United States to build a missile defense program is likely to cause an arms race in outer space. 24 February 2000 // Federation of American Scientists. Available at: <http://www.fas.org/nuke/control/paros/news/000224-paros1.htm> (accessed: 17.04.2015).

провела ее успешное испытание (запуск противоспутниковой ракеты, поразившей метеоспутник).

Пока нет ощутимых позитивных сдвигов и в отношении ограничения расщепляющихся материалов. Позиции Вашингтона и Пекина расходятся как раз из-за разногласий по увязыванию Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) с режимом недопущения милитаризации космоса. Проблема обозначилась давно, но приобрела новое качество с ростом китайских экономических возможностей. Идея подписания универсального договора о запрете на производство расщепляющихся материалов зародилась еще в 1950-е годы. В 1993 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 48/75L⁴⁹, призывшую к проведению переговоров. КНР поддержала это начинание, но в увязке с проектом Договора о предотвращении гонки вооружений в открытом космосе (PAROS). США не согласились с такой постановкой вопроса, блокировав попытки продолжения переговоров в рамках Женевской Конференции по разоружению. Кроме того, Китай изначально делал акцент на невозможности подписания ДЗПРМ на дискриминационных по сравнению с США и Россией условиях⁵⁰. В итоге КНР не связана условиями международного договора, ограничивающего ее право на производство расщепляющихся материалов для ядерных боеголовок.

В том же ключе можно рассматривать и политику Китая в области контроля за нераспространением ЯО и разоружения. Усиление давления со стороны Москвы и Вашингтона могло бы стать причиной серьезной реакции Пекина, но актуальность этой проблемы уменьшилась в связи с отвлеченностью РФ и США на конфликты в Сирии и на Украине. Тем не менее в будущем вопрос о включении в переговорный процесс третьих стран снова может возникнуть, хотя на практике реализовать это непросто. Как отмечает А.Г. Савельев, существуют объективные причины фактической стагнации российско-американских переговоров, основанных на принципе «стратегической стабильности», который оформился в период биполярной конфронтации, и подключение к этой системе иных ядерных государств поместило бы последних в некомфортные и «не отработанные» для них условия [Савельев, 2013: 4–15]. Пока трудно представить и практическую реализацию рас-

⁴⁹ United Nations General Assembly A/RES/48/75. 16 December 1993. Available at: <http://www.un.org/documents/ga/res/48/a48r075.htm> (accessed: 17.12.2015).

⁵⁰ Участие Китая в многосторонних механизмах режима нераспространения ядерного оружия // ПИР-Центр. 24.09.2009 г. Доступ: <http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13509733870.pdf> (дата обращения: 04.12.2005).

пространения принципов Договора между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. на более широкий круг участников.

* * *

Принципы китайской стратегической культуры, восходящей в своих традициях к древним китайским текстам по военной стратегии, представляют собой симбиоз рационалистического подхода к формированию вооруженных сил в духе политического реализма и диалектических взглядов, основанных на стратегаемном мышлении, для которого характерно стремление избежать потерь от участия в военных действиях. Эти принципы соотносятся с ядерной политикой КНР: рационализм и реализм определяют мотивы и логику долговременной стратегии, в то время как во внешнем поведении (закрытость данных о китайском арсенале — «экзистенциальное» сдерживание, неоднозначность позиции по вопросам нераспространения) проявляются стратегаемные методы.

С точки зрения количественного и качественного развития ядерной триады КНР обладает инфраструктурой для создания нескольких тысяч боезарядов. Однако большинство аргументов говорят в пользу рационального подхода, в соответствии с которым для эффективного сдерживания достаточными можно считать несколько сотен боезарядов. Реальное наращивание их количества может быть спровоцировано: а) ощущением угрозы «разоружающего удара»; б) участием в противостоянии, при котором Пекин мог бы пойти на раскрытие данных в целях устрашения и пропаганды. При нынешнем уровне напряженности Китай концентрируется на боеспособности в сфере обычных вооружений на случай локального «мини-кризиса», оставляя за ядерным статусом роль «обрамляющего» фактора для управления эскалацией. Активная работа по повышению качества средств доставки и «живучести» боезарядов направлена на укрепление правдоподобности возможного нанесения ответного удара.

Дистанцирование Пекина от реального участия в режиме ядерного нераспространения при фактическом соблюдении моратория на ядерные испытания свидетельствует о его недоверии к другим ядерным странам и ощущении недостатка своего политико-военного влияния в области обычных вооружений. Статус ядерной державы отчасти призван компенсировать последнее обстоятельство. Пока неясно, насколько выгодно для Китая расширение за счет других ядерных государств двусторонних американо-российских переговоров по ядерному сокращению и разоружению, при-

зв о включении в этот процесс может быть источником трений и манипуляций.

Можно заключить, что влияние традиционной китайской стратегической культуры на ядерную политику КНР будет оставаться высоким, в то время как в результате внешних угроз и вызовов неизбежно меняются китайские представления о применении силы вообще. Возможное участие в ядерном конфликте, где априори сложно избежать потерь от ядерного удара, выглядит менее привлекательным (и вероятным), чем локальный конфликт с использованием обычных вооружений, итогом которого может стать не преднамеренная эскалация, а переговорный процесс, способный укрепить китайское влияние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Большой стратегический треугольник // Московский центр Карнеги. 2013. Доступ: http://carnegieendowment.org/files/WP_Triangle_Russ_web2013.pdf (дата обращения: 20.04.2015).

2. Дмитращенко О.А. Особенности типологизации союзников США в американском политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 2. С. 114–133.

3. Евтодьева М.Г. Особенности финансирования оборонных расходов в Китае // Финансирование военных приготовлений основных стран мира. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 55–76.

4. Есин В.И. Ядерная мощь КНР // Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 27–35.

5. Зенгер Х.Ф. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Т. 1, 2. М.: Эксмо, 2004.

6. Золотарев П.С. Современная ядерная стратегия Китая // Война и мир: Информационно-аналитический портал. 02.04.2009 г. Доступ: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/34192/> (дата обращения: 18.12.2015).

7. Каменнов П.Б. Китай: принципы активной обороны // Международная жизнь. 2010. № 4. С. 40–56.

8. Кашин В.Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949–2014 гг. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 106–129.

9. Кашин В.Б. Эволюция китайской военной политики // Экспорт вооружений. 2012. № 6. С. 6–14.

10. Кокошин А.А. К прогнозированию отношений КНР и США // Проблемы прогнозирования. 2014. № 6. С. 71–78.

11. Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы / Предисл. В.П. Володина, С.К. Ознобищева, В.Я. Потапова. М.: КРАСАНД, 2009.

12. Корсун В.А. Внешнеполитический механизм с «китайской спецификой» // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 1. С. 221–236.
13. Крашенинникова Л.С. Современная стратегическая культура КНР и ее истоки // Политические и военно-экономические аспекты международной и региональной безопасности: Сборник материалов научной конференции молодых ученых ЦМБ ИМЭМО РАН, 11 декабря 2014 г. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 64–69.
14. Распертова С.Ю. К вопросу об исследовании китайской «стратегической культуры» // Познание стран мира: история, культура, достижения. 2013. № 1. С. 102–107.
15. Савельев А.Г. К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности России в XXI веке // Ядерный контроль. 2005. № 3. С. 45–56.
16. Савельев А.Г. О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения // Российский совет по международным делам. О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения. Рабочая тетрадь № IX. М.: Спецкнига, 2013. С. 4–15.
17. Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты Договоров СНВ-1 и СНВ-2. М.: ИМЭМО РАН, 2000. С. 109–112.
18. Чжаньюэ сюэ [Наука военной стратегии] / Под ред. Ван Вэньжуна. Пекин, 1999. (На кит. яз.)
19. Чжаньюэ сюэ [Наука военной стратегии] / Под ред. Яо Ючжи, Пэн Гуанцяна. Пекин, 2001. (На кит. яз.)
20. Cliff R., Medeiros E.S., Morgan F.E. et al. Dangerous thresholds. Managing escalation in the 21st Century. RAND Corporation, 2008.
21. Craine K., Cliff R., Medeiros E.S., Mulvenon J.C. A new direction for China's defense industry. RAND Air Force Project, 2005.
22. Durkalec J. The Proliferation Security Initiative: Evolution and future prospects // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Non-Proliferation Papers. No. 16. June 2012. Available at: <http://www.sipri.org/research/disarmament/eu-consortium/publications/nonproliferation-paper-16> (accessed: 07.12.2015).
23. Easton I., Stokes M. Half lives. A preliminary assessment of China's nuclear warhead life extension and safety program // Project 2049 Institute. 29 June 2013. Available at: http://project2049.net/half_lives_china_nuclear_warhead_program.pdf (accessed: 22.04.2015).
24. Fitzpatrick M. Why China will wait on Nuclear Test Ban ratification // International Institute for Strategic Studies. 28 October 2013. Available at: <http://www.iiss.org/en/politics%20and%20strategy/blogsections/2013-98d0/october-5e39/test-ban-china-162e> (accessed: 22.04.2015).
25. Glaser C. Will China's rise lead to war? // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90. No. 2. P. 80–91.
26. Gompert D.C., Saunders P.C. The paradox of power. Sino-American restraint in an age of vulnerability // National Defense University. 2012. Available at: <http://www.ndu.edu/press/lib/pdf/books/paradox-of-power/paradox-of-power.pdf> (accessed: 22.04.2015).

27. Gray C.S. Out of the wilderness: Prime time for strategic culture // Federation of American Scientists. 31 October 2006. Available at: <http://fas.org/irp/agency/dod/dtra/stratcult-out.pdf> (accessed: 30.11.2015).

28. Hui Zhang. China's nuclear weapons modernization: Intentions, drivers, and trends // Belfer Center. 2011. Available at: <http://belfercenter.hks.harvard.edu/files/ChinaNuclearModernization-hzhang.pdf> (accessed: 22.04.2015).

29. Johnston A.I. Thinking about strategic culture // International Security. 1995. Vol. 19. No. 4. P. 32–64.

30. Karber P.A. Strategic implications of China's underground Great Wall. Georgetown University. Asian Arms Control Project. 26 September 2011 // Air Power Australia. Available at: <http://www.ausairpower.net/PDF-A/Karber-PLA-UGF-2011.pdf> (accessed: 22.04.2015).

31. Kissinger H. On China. New York: Penguin Press, 2011.

32. Kristensen H.M. [Chinese] nuclear weapons // Federation of American Scientists. 29 November 2006. Available at: <http://www.fas.org/nuke/guide/index.html> (accessed: 22.04.2015).

33. Luttwak E. The rise of China vs. the logic of strategy. Belknap Press, Cambridge Massachusetts, 2012.

34. Luttwak E. Strategy: the logic of war and peace. Harvard University Press, 2001.

35. Mahnken T.G. Secrecy and strategem: Understanding Chinese strategic culture. Lowy Institute, 2011.

36. Ross R. The problem with the Pivot: Obama's new Asian policy is unnecessary and counterproductive // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. No. 6. P. 70–82.

37. Rudd K. Beyond the Pivot: A new road map for U.S.-Chinese relations // Foreign Affairs. 2013. Vol. 92. No. 2. P. 9–15.

38. Stokes M.A. China's nuclear warhead and storage system // Project 2049 Institute. 12 March 2010. Available at: http://project2049.net/documents/chinas_nuclear_warhead_storage_and_handling_system.pdf (accessed: 22.04.2015).

L.S. Krashennnikova

IMPACT OF THE CHINESE STRATEGIC CULTURE ON THE PRC NUCLEAR POLICY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The recent incidents in disputed waters in the South China Sea and the Sea of Japan involving the warships of the United States and the People's Republic of China attest to a growing concern in the Chinese government over the Obama administration's 'Pivot to Asia' policy. In this setting assessment of the PRC's military capabilities, especially nuclear deterrence capabilities becomes increasingly important but still challenging given the Chinese leaders' reluctance to disclose information. The present paper examines the contemporary PRC's nuclear policy through the lens of traditional Chinese strategic culture. In the first section, the author reveals linkages between the stratagem-oriented traditional Chinese military thinking and classical concepts of war and peace,

inherent to it, on the one hand, and modern theories of nuclear deterrence, on the other. The second section provides a comparative analysis of the open data on and expert assessments of the quantitative and qualitative characteristics of the PRC's nuclear weapons. The author concludes that in the development of its nuclear capabilities the PRC, in full compliance with the Chinese philosophical traditions, follows the 'minimal deterrence' policy. Finally, the third section examines the PRC's participation in different international organizations and agencies, engaged in the field of nuclear disarmament and non-proliferation. The author concludes that the traditional strategic culture still exerts considerable influence on the China's nuclear policy, which is expressed, inter alia, in the perception shared by China's leaders of the nuclear weapons as an instrument of political rather than military pressure.

Keywords: PRC, nuclear weapons, nuclear deterrence, strategic stability, strategic culture, minimal deterrence, nuclear triad, People's Liberation Army, Non-Proliferation Treaty, Second Artillery Corps, Dongfeng.

About the author: Lyubov' S. Krasheninnikova — PhD Candidate at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: liubovkrasheninnikova@gmail.com).

Acknowledgements: This work has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Humanities, research project № 15-37-11136 'The Impact of Technological Factors on Parameters of National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability'.

REFERENCES

1. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. 2013. *Bol'shoi strategicheskii treugol'nik* [The great strategic triangle]. Carnegie Moscow Center. Available at: http://carnegieendowment.org/files/WP_Triangle_Russ_web2013.pdf (accessed: 20.04.2015). (In Russ.)
2. Dmitrashchenko O.A. 2014. Osobennosti tipologizatsii soyuznikov SShA v amerikanskom politicheskom diskurse [Classification of the US allies in contemporary American political discourse]. *Moscow University Journal of World Politics*, vol. 6, no. 2, pp. 114–133. (In Russ.)
3. Evtod'eva M.G. 2012. Osobennosti finansirovaniya oboronnykh raskhodov v Kitae [Defense spending in China]. *Finansirovanie voennykh prigotovlenii osnovnykh stran mira* [Financing of military preparations by major powers]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 55–76. (In Russ.)
4. Esin V.I. 2012. Yadernaya moshch' KNR [The PRC's military nuclear capabilities]. In Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Oznobishchev S.K. (eds.). *Perspektivy uchastiya Kitaya v ogranichenii yadernykh vooruzhenii* [Prospects for China's participation in nuclear disarmament]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 27–35. (In Russ.)
5. Zenger Kh.F. 2004. *Stratagemy. O kitaiskom iskusstve zhit' i vyzhivat'* [Stratagems. On the Chinese art of living and surviving]. Moscow, Eksmo Publ. (In Russ.)
6. Zolotarev P.S. 2009. Sovremennaya yadernaya strategiya Kitaya [China's current nuclear strategy]. *Voyna i mir*. Available at: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/34192/> (accessed: 18.12.2015). (In Russ.)

7. Kamennov P.B. 2010. Kitai: printsipy aktivnoi oborony [China: Principles of proactive defense]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 4, pp. 40–56. (In Russ.)

8. Kashin V.B. 2013. Na puti k global'noi voennoi derzhave: evolyutsiya voennoi politiki KNR v 1949–2014 gg. [Towards global military power: Evolution of the Chinese military policy in 1949–2014]. *Moscow University Journal of World Politics*, vol. 5, no. 4, pp. 106–129. (In Russ.)

9. Kashin V.B. 2012. Evolyutsiya kitaiskoi voennoi politiki [Evolution of the Chinese military policy]. *Eksport vooruzhenii*, no. 6, pp. 6–14. (In Russ.)

10. Kokoshin A.A. 2014. K prognozirovaniyu otnoshenii KNR i SShA [On forecasting the relations between the People's Republic of China and the United States]. *Problemy prognozirovaniya*, no. 6, pp. 71–78. (In Russ.)

11. Kokoshin A.A. 2009. *Obespecheniye strategicheskoy stabil'nosti v proshlom i nastoyaschem: teoreticheskiye i prikladniye voprosy* [Ensuring strategic stability in past and present: theoretical and applied questions]. Moscow, KRASAND Publ. (In Russ.)

12. Korsun V.A. 2010. Vneshnepoliticheskii mekhanizm s 'kitaiskoi spetsifikoi' [Foreign policy mechanism with the Chinese specificity]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, no. 1, pp. 221–236. (In Russ.)

13. Krashennnikova L.S. 2015. Sovremennaya strategicheskaya kul'tura KNR i ee istoki [The PRC's modern strategic culture and its origins]. *Politicheskie i voenno-ekonomicheskie aspekty mezhdunarodnoi i regional'noi bezopasnosti* [Political military and economic aspects of international and regional security]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 64–69. (In Russ.)

14. Raspertova S.Yu. 2013. K voprosu ob issledovanii kitaiskoi 'strategicheskoi kul'tury' [Studying Chinese 'strategic culture']. *Poznanie stran mira: istoriya, kul'tura, dostizheniya*, no. 1, pp. 102–107. (In Russ.)

15. Savel'ev A.G. 2005. K voprosu o roli yadernogo oruzhiya v obespechenii natsional'noi bezopasnosti Rossii v XXI veke [On the role of nuclear arms in ensuring Russia's national security]. *Yadernyi kontrol'*, no. 3, pp. 45–56. (In Russ.)

16. Savel'ev A.G. (ed.). 2013. O mnogostoronnem podkhode k probleme yadernogo razoruzheniya [On multilateral approach to nuclear disarmament]. In Ivanov I.S. *O mnogostoronnem podkhode k probleme yadernogo razoruzheniya. Rabochaya tetrad' No. IX* [On multilateral approach to nuclear disarmament. Working paper no. IX]. Moscow, Spetskniga Publ., pp. 4–15. (In Russ.)

17. Savel'ev A.G. 2000. *Politicheskie i voenno-strategicheskie aspekty dogovorov SNV-1 i SNV-2* [Political and military-strategic aspects of START-1 and START-2 treaties]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 109–112. (In Russ.)

18. Wang Wenrong (ed.). 1999. *Zhanlue xue* [The science of military strategy]. Beijing. (In Chinese.)

19. Yao Youzhi, Peng Guangqian (eds.). 2001. *Zhanlue xue* [The Science of military strategy]. Beijing. (In Chinese.)

20. Cliff R., Medeiros E.S., Morgan F.E., Mueller K.P., Pollpeter K.L. 2008. *Dangerous thresholds. Managing escalation in the 21st century*. RAND Corporation.

21. Craine K., Cliff R., Medeiros E.S., Mulvenon J.C. 2005. *A new direction for China's defense industry*. RAND Air Force Project.

22. Durkalec J. 2012. The Proliferation Security Initiative: Evolution and future prospects. *Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Non-Prolif-*

- eration Papers, no. 16. Available at: <http://www.sipri.org/research/disarmament/eu-consortium/publications/nonproliferation-paper-16> (accessed: 07.12.2015).
23. Easton I., Strokes M. 2013. *Half Lives. A preliminary assessment of China's Nuclear Warhead Life Extension and Safety Program. Project 2049 Institute.* 29 June. Available at: http://project2049.net/half_lives_china_nuclear_warhead_program.pdf (accessed: 22.04.2015).
24. Fitzpatrick M. 2013. Why China will wait on Nuclear Test Ban Ratification. *International Institute for Strategic Studies.* 28 October. Available at: <http://www.iiss.org/en/politics%20and%20strategy/blogsections/2013-98d0/october-5e39/test-ban-china-162e> (accessed: 22.04.2015).
25. Glaser C. 2011. Will China's rise lead to war? *Foreign Affairs*, vol. 90, no. 2, pp. 80–91. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2011-03-01/will-chinas-rise-lead-war> (accessed: 07.12.2015).
26. Gompert D.C., Saunders P.C. 2012. The paradox of power. Sino-American restraint in an age of vulnerability. *National Defense University.* Available at: <http://www.ndu.edu/press/lib/pdf/books/paradox-of-power/paradox-of-power.pdf> (accessed: 22.04.2015).
27. Gray C.S. 2006. Out of the wilderness: Prime time for strategic culture. *Federation of American Scientists.* 31 October. Available at: <http://fas.org/irp/agency/dod/dtra/stratcult-out.pdf> (accessed: 30.11.2015).
28. Hui Zhang. 2011. China's nuclear weapons modernization: Intentions, drivers, and trends. *Belfer Center.* Available at: <http://belfercenter.hks.harvard.edu/files/ChinaNuclearModernization-hzhang.pdf> (accessed: 22.04.2015).
29. Johnston A.I. 1995. Thinking about strategic culture. *International Security*, vol. 19, no. 4, pp. 32–64.
30. Karber P.A. 2011. Strategic implications of China's underground Great Wall. Georgetown University. Asian Arms Control Project. 26 September. *Air Power Australia.* Available at: <http://www.ausairpower.net/PDF-A/Karber-PLA-UGF-2011.pdf> (accessed: 22.04.2015).
31. Kissinger H. 2011. *On China.* New York, Penguin Press.
32. Kristensen H.M. 2006. [Chinese] nuclear weapons. *Federation of American Scientists.* 29 November. Available at: <http://www.fas.org/nuke/guide/index.html> (accessed: 22.04.2015).
33. Luttwak E. 2012. *The rise of China vs. the logic of strategy.* Belknap Press, Cambridge Massachusetts.
34. Luttwak E. 2001. *Strategy: the logic of war and peace.* Harvard University Press.
35. Mahnken T.G. 2011. *Secrecy and stratagem: Understanding Chinese strategic culture.* Lowy Institute.
36. Ross R. 2012. The problem with the Pivot: Obama's new Asian policy is unnecessary and counterproductive. *Foreign Affairs*, vol. 91, no. 6, pp. 70–82.
37. Rudd K. 2013. Beyond the Pivot: A new road map for U.S.-Chinese relations. *Foreign Affairs*, vol. 92, no. 2, pp. 9–15.
38. Strokes M.A. 2010. China's Nuclear Warhead and Storage System. *Project 2049 Institute.* 12 March. Available at: http://project2049.net/documents/chinas_nuclear_warhead_storage_and_handling_system.pdf (accessed: 22.04.2015).